

УДК 340.113.1

Критерии эффективности юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании

Асадов Раму Буюкханович, старший преподаватель кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, rm1002@mail.ru

В статье рассматривается проблема эффективности юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании как комплексной характеристики, отражающей степень согласованности правовых и языковых механизмов нормативного воздействия. Обосновывается положение о том, что эффективность в юрислингвистическом измерении не сводится к формальной результативности правовых норм, а выражается в способности языка права обеспечивать точную, однозначную и устойчивую передачу нормативных смыслов в правовой коммуникации. Анализируются основные подходы к оценке эффективности в отечественной и зарубежной доктрине, а также предлагается многоуровневая система критериев, включающая коммуникативно-языковые, когнитивные, инструментально-технические, институциональные и аксиологические параметры. Делается вывод о том, что эффективность юрислингвистической конвергенции выступает интегральным свойством правовой системы и показателем качества правового регулирования и зрелости правовой культуры.

Ключевые слова: эффективность правового регулирования, юрислингвистическая конвергенция, язык права, юридическая техника, правовая коммуникация, правоприменительная практика, правовая культура.

Проблема эффективности в современном правоведении все чаще рассматривается как категория, выходящая за пределы узкого понимания результативности правового регулирования и затрагивающая когнитивные, языковые и аксиологические параметры правовой реальности. В контексте юрислингвистической конвергенции эффективность приобретает особую определенность: она выражает не только степень достижения целей правового регулирования, но и способность языка права обеспечивать адекватную передачу нормативных смыслов в коммуникации между субъектами правовой системы.

Если в классическом подходе эффективность связывалась с мерой достижения целей правового регулирования, то применительно к юрислингвистике данный критерий наполняется дополнительным содержанием через соотнесение юридической точности и языковой ясности как взаимосвязанных условий правовой действительности. Язык, выступая посредником между нормой и правосознанием адресата, становится не только формой выражения права, но и необходимым механизмом его функционирования. Языковая форма нормативного текста не является нейтральной оболочкой: она влияет на восприятие права, на уровень доверия к нему, на предсказуемость и устойчивость толкования. Следовательно, эффективность юрислингвистической конвергенции не может быть сведена ни к качеству юридической техники в узком смысле, ни к стилистической «благозвучности» нормативного текста; речь идет о системной характеристике согласованности правового и языкового воздействия.

В отечественной доктрине заметно смещение исследовательского акцента от преимущественно формальных показателей эффективности (исполнение предписаний, динамика правонарушений и т. п.) к более комплексным моделям, учитывающим коммуникативные, когнитивные и институциональные аспекты правового регулирования. При таком подходе языковые требования юридической техники рассматриваются не как факультативные рекомендации, а как условия рациональности и предсказуемости правового регулирования. Несоблюдение ясности формулировок, терминологической согласованности и структурной упорядоченности порождает риски неоднозначного понимания и, как следствие, снижает регуляторную результативность.

Сравнительно-правовой ракурс позволяет соотнести критерии эффективности юрислингвистической конвергенции с концепцией качества законодательства. В документах международных органи-

заций и наднациональных объединений подчеркивается, что ответственность регулирования зависит не только от обоснованности и внутренней согласованности норм, но и от понятности языка, доступности текста для адресатов и предсказуемости его интерпретации. В этом смысле юрислингвистическая составляющая выступает важным элементом общей оценки качества нормативного материала. Для интеграционных объединений данное обстоятельство имеет особое значение, поскольку согласование понятийного аппарата и единообразие терминологии прямо влияет на единообразие применения права.

В современных российских условиях рассматриваемая проблематика получает дополнительное измерение, связанное с задачами языковой политики и правовой интеграции. Вопрос «понятности русского языка» приобретает значение не только методологического ориентира нормотворчества, но и фактора укрепления правовой идентичности и интеграционной коммуникации. Это актуализирует постановку вопроса об эффективности не только в плоскости юрико-лингвистических параметров текста, но и в плоскости способности правовой системы выражать собственные смыслы средствами национального юридического языка без утраты точности и определенности.

Оценка эффективности юрислингвистической конвергенции предполагает выделение критериев, позволяющих выявить степень согласованности языка и права в нормативном регулировании. Без такой типологии рассуждения о «понятности» и «доступности» закона неизбежно остаются декларативными. Между тем эффективность в данном контексте следует рассматривать как функциональное качество правовой коммуникации; следовательно, ее критерии должны описывать не абстрактные достоинства текста, а измеримые параметры взаимодействия: точность выражения, возможность однозначного понимания, предсказуемость толкования, а также устойчивость смысловых связей между нормативным предписанием и правоприменением.

1. Коммуникативно-языковые критерии.

К первой группе относятся ясность, определенность, непротиворечивость нормативного текста и его терминологическая согласованность. Именно эти параметры задают степень прозрачности нормативного материала и служат предпосылками интерпретационной устойчивости. Нарушение языковой определенности и терминологического единства приводит к расхождению правовых смыслов, что препятствует реализации нормы и подрывает

идею конвергенции как сближения правового содержания и языкового выражения.

2. Когнитивные критерии.

Вторая группа критериев характеризует воспринимаемость и усвояемость правового текста адресатом. Существенное значение имеют сложность синтаксиса, объем и структура предложения, терминологическая насыщенность, а также общая композиционная организация текста. Чрезмерная перегруженность формулировок затрудняет понимание и создает предпосылки для ошибок в интерпретации. В рамках юрислингвистической конвергенции важен не отказ от сложных правовых конструкций, а их корректное языковое оформление, обеспечивающее точность и однозначность смысла при приемлемой сложности изложения.

3. Инструментально-технические критерии.

Третью группу образуют критерии, связанные с соблюдением языковых требований юридической техники: структурная последовательность нормативного текста, единообразие дефиниций, терминологическая унификация, стандартизация повторяющихся конструкций. Эти элементы обеспечивают внутреннюю согласованность нормативного материала и предсказуемость применения права. Непоследовательность терминов, неоправданные вариации формулировок и дефектность дефиниций ведут к снижению определенности регулирования и повышают вероятность разноречивого толкования.

4. Институциональные и поведенческие критерии.

Четвертая группа критериев отражает способность правовой системы обеспечивать достижение целей регулирования при сохранении смысловой целостности правового текста. Здесь ключевым становится соотношение смыслов, заложенных в нормативном предписании, с их фактическим пониманием и применением в правоприменительной практике. Показателем эффективности выступает степень устойчивости интерпретации и отсутствие систематических расхождений между нормативным смыслом и практи-

кой его реализации. В отечественной правовой системе данный аспект находит выражение, в частности, в значимости языкового толкования при проверке законности и обоснованности правоприменительных решений.

5. Аксиологические критерии.

Аксиологические критерии фиксируют соответствие языка права ценностным ожиданиям общества и представлениям о справедливости и легитимности. Язык нормативного акта формирует не только понимание предписания, но и отношение к нему; поэтому несоответствие языковой формы ценностным основаниям правосознания способно снижать эффективность правового воздействия даже при формальной корректности текста.

Взаимосвязь выделенных критериев образует многоуровневую модель оценки эффективности юрислингвистической конвергенции. Целевые параметры задают направленность регулирования, коммуникативно-языковые и когнитивные — условия адекватного понимания нормы, инструментально-технические — требования к юридико-языковой организации текста, институциональные — воспроизводимость смыслов в правоприменении, а аксиологические — нормативно-культурное основание доверия к праву. Такая модель позволяет рассматривать эффективность не как свойство «хорошего текста» само по себе, а как степень смысловой и функциональной согласованности языка и права в механизме правового регулирования.

Таким образом, эффективность юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании может быть определена как интегральное качество правовой коммуникации, выражающее степень согласованности юридической точности и языковой ясности, обеспечивающее устойчивую воспроизводимость нормативных смыслов в нормотворчестве и правоприменении. В этом смысле эффективность выступает показателем не только качества законодательства, но и зрелости правовой культуры, в которой язык права выполняет не вспомогательную, а смыслообразующую функцию.

Примечания

1. Рыбаков В. А. Критерии определения эффективности права // Правоприменение. 2019. Т. 3. N 2.
2. Жинкин С. А. К вопросу о классификации видов эффективности правовых норм в современном российском праве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. N 2.
3. Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность и обязательность их соблюдения // Юрислингвистика. 2023. N 27.
4. Белов С. А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. N 2.
5. Чернигова Е. В. Язык права в контексте правовой (нормативной) реальности // Российское право: образование, практика, наука. 2025. N 1.

English version

Criteria for the effectiveness of jurilinguistic convergence in legal regulation

Asadov Ramu Beyukhanovich, senior lecturer of the department of public law and customs administration, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs

This article addresses the problem of the effectiveness of jurilinguistic convergence in legal regulation as a complex characteristic reflecting the degree of coherence between legal and linguistic mechanisms of normative influence. It substantiates the proposition that effectiveness in the jurilinguistic dimension cannot be reduced to the formal efficiency of legal norms, but is expressed in the ability of the language of law to ensure accurate, unambiguous, and stable transmission of normative meanings in legal communication. The paper analyzes the main approaches to assessing effectiveness in Russian and foreign doctrine and proposes a multilevel system of criteria, including communicative-linguistic, cognitive, instrumental-technical, institutional, and axiological parameters. It is concluded that the effectiveness of jurilinguistic convergence constitutes an integral property of the legal system and serves as an indicator of the quality of legal regulation and the maturity of legal culture.

Keywords: effectiveness of legal regulation, jurilinguistic convergence, language of law, legal drafting technique, legal communication, law enforcement practice, legal culture.